

ШОППО Ф. Н. — в ПОМПОЛИТ и ПЕШКОВОЙ Е. П.

ШОППО Федор Никитич, родился в 1888 в Белоруссии. С 1902 — работал у богатых крестьян, с 1909 — работал у крестьян в Палыми Тобольской губ., с 1914 — в Селемджи Амурской губ. С 1919 — проживал в Николаевске-на-Амуре, работал секретарем и инструктором, активно восстанавливал промыслово-производственную кооперацию. Женат на Василисе Шоппо, в семье — четверо сыновей. В 1927 — арестован и заключен в Хабаровский специзолятор. Приговорен к 10 годам ИТЛ

<7 июня 1928>

«Комитету Помощи Политическим заключенным:
Москва — Кузнецкий мост, д<ом> № 24

Срочно-заключенного в Д<альне->В<осточном>
К<рае>, Изоляторе с<пец>н<азначения> в
гор<оде> Хабаровске Шоппо Федора Никитича
(Ст<атья> 58-8 УК, срок наказания 10 лет)

Уважаемые товарищи!
Члены Комитета.

Мой голос, мой призыв о правде и милости в течение двух лет не может вырваться из каменного мешка, закупоренного непроницаемой броней бюрократизма, в свою очередь упитанного предрассудком, пристрастием и тенденциозностью. В силу этого, минуя нормы обычного порядка тюремного режима, я обращаюсь к обществу в лице Комитета с убедительной просьбой, возвысить свой голос пред центральными органами ВЛАСТИ и оказать возможное содействие к рассмотрению моего ходатайства о помиловании ВСЕРОССИЙСКИМ ЦЕНТРАЛЬНЫМ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫМ КОМИТЕТОМ,

Приложенная копия переписки красноречиво поясняет, под каким тяжелым прессом находится голос общественности в защиту политзаключенного.

Весьма отрывочные, имеющиеся у меня сведения о деятельности Комитета, не дают мне ясного определения, в каком направлении и в какой степени я мог бы рассчитывать на помощь Комитета, однако же одно слово "помощь" человека обреченного окрыляет надеждой, и я смею надеяться, что помощь эта в пределах возможности будет искренна и правдива.

Просьба моя к Комитету будет следующая.

Как я упомянул выше, в течение почти двух лет я не могу добиться представления во ВЦИК узаконенным путем моего ходатайства о помиловании. 29 июня 1927 года на имя председателя ВЦИК М. И. Калинина подавала ходатайство моя жена. Это ходатайство исчезло бесследно. Неоднократные мои попытки с февраля месяца 1928 года в том же направлении не имели никакого успеха, а представленные документы, характеризующие мою личность и деятельность с положительной стороны, умышленно утеряны, я говорю, умышленно утеряны, потому что подобная утеря документов не случайность, а система.

Мне горько, тяжело и обидно переносить одно из мучительнейших наказаний лишения свободы, потому что ни по своему образу жизни, ни по своему мышлению я ни в коей степени не был, не могу и не должен быть врагом Советского строительства и СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.

С 14 летнего возраста, отданный отцом на службу за 75 коп<еек> в месяц, я прошел во всех стадиях суровый быт и бесправную, беспримерно

тяжелую крестьянскую жизнь. С детства я не видел городской роскоши, городской пошлости и обмана жизни. В возрасте 21-го года из деревенского захолустья Белоруссии в 1909 году я перебрался на дикий север СИБИРИ (Палымь Тобольской губернии), там я прожил 5 лет. С 1914-го года по 1919, жил в дебрях Селемджи, на Северной окраине, Амурской обл<асти> и последние семь лет в безлюдном северном Приморье Дальнего Востока.

Весь опыт жизни, все свои силы и знания я отдавал на служение деревне, крестьянство это ценило и с глубоким сожалением относилось ко мне в момент преследования как царскими охранниками, так и органами Советской власти.

В 1917 году при первых демократических выборах в Мазановском районе при голосовании моей кандидатуры на первый Революционный С<ъ>езд Амурской области из 1011 голосовавших 996 голосов я получил избирательных. Эти цифры подтверждают безусловное доверие крестьянской массы:

В дальнейшем, до переселения моего на жительство в гор<од> Николаевск на Амуре (необходимость учить детей) меня не миновала своим избранием ни одна избирательная компания по линии советского самоуправления.

Находясь в 1919-20 году в рядах партизан, я был выдвинут массой на ответственную работу. Был избран членом Президиума, секретарем Организационно-Инструкторского Бюро, затем — раз<ъ>ездным Инструктором по организации власти Советов.

Надо сказать, что в Николаевском на Амуре округе я жил в районе стихийного роста промысловой производственной кооперации (рыболовецкие артели), в организации которой приходилось принимать самое активное участие. Накопленный многолетним пребыванием в деревне опыт, давал хорошие результаты. Еще в 1923 году инструктор Центросоюза, выезжавший из Москвы, при обследовании промысловой кооперации в Низовьях Амура отметил мои особые заслуги в деле восстановления промысловой кооперации в период разрухи и зажима интервенции. Он подлинно сказал, что только особое упорство, настойчивость и энергия гр<ажданина> Шоппо, возглавлявшего кооперативно настроенную группу, восстановила сведенную на нет промысловую кооперацию. К сожалению, добыть в данное время эти документы я не имею физической возможности, а до лишения меня свободы я в бумажных рекомендациях не нуждался.

Моя работа всегда фиксировалась тоном взаимного доверия с деревней. В моей работе не было крикливых моментов о неспособности и неумении работать работников села; ни одной газетной статьи, ни малейшего дисциплинарного взыскания не омрачили работу селянина. Обследуя работу деревенской низовки, я никогда не создавал ни шума, ни паники около неопытного селянина, выправлял и восстанавливал в окончательной форме отчетность, а по готовой дороге работа направлялась и проходила хорошо, а поэтому недочеты сельского работника от меня никогда не прятались, и они своевременно и безболезненно выправлялись. Такая обстановка, такой труд (он почти не выходил из рамок 12-16 часов в сутки) и создали доверие и влияние, и это влияние поставлено в вину.

Несколько слов по существу приговора Суда:

1) В 1918 году, когда партизанские войска в Приморье были разбиты, на Селемджинском Вол<остном> С<ъ>езде Советов был организован нейтральный отряд лишь для охраны ценностей. Мое участие в организации отряда ограничивалось составлением соответствующего постановления С<ъ>езда, в порядке служебной исполнительности как секретаря Волостного Исполкома. На мою просьбу истребовать и

приложить к делу копию этого постановления Следователь и Суд отказали, это лишило меня возможности выявить как организационную сущность отряда, так равно и мою незаинтересованность в его организации.

2) Мне инкриминировано избиеение крестьянина Якунчикова. В судебном деле на странице 41 имеется показание потерпевшего Якунчикова, который отрицает мое непосредственное участие в его избиеении. Я действительно в первый день пасхи весной 1919 года выезжал в деревню Усть-Уньму, т<ак> к<ак> там в тот день был убит Председатель Волостной Земской Управы Сотников, по долгу и обязанностям службы я сделать это должен был. Правда без моего ведома толпа побила Якунчикова, как непосредственного участника убийства Сотникова, на меня же легла тяжесть обвинения по неумышленному оговору некоторых участников толпы, в период дознания полагавших меня погибшим в Приморье, а мертвому обвинения не опасны.

3) Я обвинен в подписании протокола об убийстве китайца, я не мог не подписать протокола, оформляя протокол опроса лиц, конвоировавших последнего, но строить на этом обвинение несправедливо и по совести, и по закону.

4) Меня обвинили за участие в борьбе с партизанским отрядом, однако, органы власти с остатками этого отряда борются и по сей день. Еще в 1920 году, когда была выявлена бандитская сущность этого отряда, выловленные из этого отряда 6 человек были расстреляны властью Д<альне-Восточной> Р<еспублики>, а один из руководящих участников этого отряда А. Ермаков в данное время в одной со мной камере отбывает 10 летний срок наказания за десятки бандитских налетов и грабежей. Что делал в период острой гражданской войны этот отряд, что заставило крестьян сопоставить этому отряду силу оружия. В дер<евне> Константиновке 13 человек по очереди насильовали женщину-солдатку, в дер<евне> Богословке под пламя пожара публично была изнасилована крестьянка Станьковская, и тут же ей отрублена голова, там же была изнасилована 11 летняя девочка Каптаньчук, в дер<евне> Угловой на глазах 5 шт<ук> детей и 70 летних стариков изнасиловали кр<естьянку> Анастасию Городецкую, тут же разгромили сельскую больницу, уничтожили аптеку. Сколько совершено бессмысленных убийств среди дороги и поля трудно перечислить. Только беспристрастный исследователь мог бы дать правдивую оценку этому отрывку революционного искривления.

Материалом, характеризующим меня антисоветски настроенным элементом, послужило показание секретного осведомителя ОГПУ Назарука, против которого я участвовал в расследовании обстоятельств кражи им 5 фунтов кооперативного золота, за что он отбыл 2 года наказания, данные им сведения выходили из рамок всякого пристрастия.

Заверяю Вас, тов<арищи> Члены Комитета, что у меня не было, нет и не будет тенденции контрреволюционности, наоборот я стремлюсь к разумному углублению, развитию и завершению успехов революции.

Заканчивая мое обращение, прошу Вас, тов<арищи> Члены Комитета, оказать Ваше содействие к истребованию центральными органами власти от ДВК Распредкомиссии подлинников представляемых Вам копий документов или засвидетельствованных копий и рассмотрению моего ходатайства ВЦИКом. Ваш ответ прошу сообщить по адресу: гор<од> Сураж Витебской губ<ернии>, Островская улица Александру Семеновичу Шоппо.

С искренним уважением к Вам пребываю (подпись Федор Шоппо)»¹.

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 384. С. 179-180. Машинопись.

В августе 1928 — Федор Никитич обратился к Е. П. Пешковой с благодарственным письмом.

«Добрейшая
Екатерина Ивановна²!

Принимая на себя заботу об облегчении моей участи, Вы совершаете еще большее благодеяние защиты больной женщины и почти беспризорных детей. Из прилагаемых писем жены и двух детей, вам видно, о ком вам приходится заботиться, какие ужасные моменты приходилось переживать ни в чем не повинной женщине и детям. Правда, в данное время положение моей семьи значительно улучшилось, дети немного зарабатывают (им 15, 13, 8 и 5 лет), и благодаря отзывчивости крестьян, поддержавших ее морально и материально, ее здоровье несколько улучшилось, и теперь она в силах присматривать за детьми, частично продавать свой труд.

Выражая Вам глубокую благодарность за оказанную мне помощь, я надеюсь, *<что>* и последняя моя просьба руководимым Вами Комитетом не будет оставлена без внимания.

Примите уверение в искреннем уважении и благодарности.

Федор Шоппо»³.

К письму Федора Никитича Шоппо были приложены письма к нему жены и двух сыновей Виктора и Евгения.

«Февраля 20 дня
1928 года.

Дорогой мой Федя!

С трудом поднялась с постели, лишь бы написать тебе может последнее слово. Здоровье пришло к концу. Доживаю свои дни жалкими подачками соседей. Кашель с кровавыми выделениями обещает скорый конец с земными расчетами. Думай сам, как распорядиться детьми. Прости меня, что я не смогла поднять детей на ноги. Устала, не могу, ребята напишут подробней. Прощай целую тебя до могилы.

Вася»⁴.

«Милый папа!

Мама и мы каждый день плачем о тебе. Когда ты был дома, нам было хорошо, а теперь очень плохо. Только чай и черный хлеб бол<ь>ше у нас ничего не бывает. Арик и Ростик стали худеть и болеть. Они все просят у мамы есть, а мама не может встать больная. Я с Женей ходил за дровами, разрубил головок⁵, починял, и шило твое сломал, потом дедушка Горбенко починил. Топор у нас тупой, холодно, рукавички порвались. Папа лучше бы ты нас взял к себе в тюр<ь>му — там наверно хоть хлеб дают, и мы бы питались. Я учусь, по всем предметам хорошо успеваю. Тетради мне учитель дал. На сборы хожу аккуратно. Только мне холодно, тужу, кур<т>ка изорвалась и головки старые. Ростик уже пишет и читает. Папа каки<е> там начал<ь>ники, тебя не пускают домой, ты им расскажи как нам плохо жить без тебя, они может быть отпустят. Пиши папа, как нам дальше жить, мама

² Неправильно указано отчество Пешковой Екатерины Павловны.

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 384. С. 185. Автограф.

⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 384. С. 186. Автограф.

⁵ Имеется в виду обувь.

очень болеет, когда кашляет то кровь бывает. Она все плачет о тебе и нас ласкает. Пиши письма каждый день.

Крепко целую твой сын Витя»⁶.

«Дорогой папа!

Нам без тебя ужасно плохо жить. Мама много работала на стирке белья, простыла и теперь ужасно болеет. Денег у нас на лекарс<т>во нет. Пропустин был 2 раза, нам ничего не говорит, а бабушка Горбенко говорит, что мама может умереть. Что мы тогда будем делать. Мама с постели встает очень редко. Дров нет, купить не на что, стоят 16 руб<лей>, сами ходим с Витей в лес собирать прутья. Ростик и Арик все время на печки сидят, у них нечего обуть. Они также кашлеют. Два дня у нас не было хлеба — теперь пуд муки дала нам мамина знакомая Воганова. С<ъ>едем а тогда не знаю, что будим есть. Моисеева дала нам 1 куль картофеля, а три рыбины послали нам из Большо-Михайловска Шумилов. Мне папа очень тяжело, осенью ком<итет> сод<ействия> дал мне одежду, которую я донашиваю. Я теперь секретарем нашего пионерского отряда, играю в школе на сцене, приходится отлучатся, а тут нада на плечах дров притащить, из снега воды натопить и уроки приготовить. Учусь я папа хорошо, по всем успешно, то ес<т>ь по-родному 85%, по-английскому 90% и по остальным 100%. Папа, напиши как нам жить и что нам делать, я все исполняю как ты пишеш<ь>, и маму слушаюсь, учусь хорошо и в пионерах работаю добросовесно. Одет я очень плохо, богатые надо мной смеются. Пиши папа как нам быть дальше.

Крепко целую твой сын Женя.

20/II 1928 год»⁷.

⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 384. С. 188. Автограф.

⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 384. С. 187. Автограф.